

*КРАПИВКИНА Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета. Автор 69 научных публикаций**

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЯ МЫ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

В настоящей работе анализируется прагматика местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках. Исследуется специфика использования этого местоимения в правовом поле, выявляются его прагматические функции. Отмечается, что одной из характерных особенностей данного прономинала является его атипичность, обусловленная тем, что его множественная природа уже предполагает некоторую размытость семантических границ. Семантику данного местоимения можно определить только в конкретных коммуникативно-прагматических условиях, в которых функционирует высказывание. Местоимение *мы* жестко не детерминирует количество подразумеваемых лиц: оно может включать как всех коммуникантов, в т. ч. и адресата (инклюзивное *мы*), так и определенную группу лиц, куда входит адресант, но не входит адресат (эксклюзивное *мы*). Автор подчеркивает, что местоимение *мы* в юридическом дискурсе используется с целью устранения эгоцентризма высказывания, указания на сакральный характер власти говорящего, как средство эмпатии с целью формирования дискурса согласования с адресатом, для солидаризации с неопределенным референтом, как механизм оппозиционирования. Для достижения цели исследования был собран корпус юридических текстов, датированных XVIII–XXI веками, находящихся в свободном доступе в сети Интернет. Для анализа автор выбрал тексты различных жанров: законодательные акты, судебные решения, судебные жалобы, особые мнения судей, судебные речи. Результаты исследования дают возможность заключить, что местоимение 1-го лица множественного числа выступает как значимая прагматическая и дискурсивная единица, передавая значения, которые имеют отношение к разным ипостасям субъекта. Это позволяет говорить о прагматическом многообразии местоимения *мы*, семантической энтропии, размывающей содержание данного местоимения в высказываниях юридического дискурса.

Ключевые слова: *юридический дискурс, местоимение «мы», референция, прагматика, субъект дискурса.*

*Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83; e-mail: koal504@mail.ru

Для цитирования: Крапивкина О.А. Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 90–98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.90

Актуальность настоящей работы определяется тем, что она соответствует общей направленности современных лингвистических исследований на изучение прагматического аспекта речи, особенностей речевого поведения коммуникантов. Кроме того, на фоне накопленных общих знаний о дейктических местоимениях назрела необходимость научного осмысления контекстуальной детерминированности дейктических единиц и обобщения особенностей их употребления в различных типах дискурсивных практик, в частности в юридическом дискурсе, на материале текстов которого анализ семантики и прагматики дейктических местоимений еще не проводился.

Результаты выполненного исследования позволяют расширить и углубить понимание категории субъекта, а также существующие представления о семантике местоимения *мы*, служащего механизмом позиционирования субъекта в юридическом дискурсе. Теоретическая значимость работы состоит в том, что впервые были выделены прагматические функции местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках. Практическая значимость заключается в том, что основные положения о прагматических функциях местоимения *мы* могут найти применение в практике общения для усовершенствования форм дискурсивного взаимодействия в правовой сфере.

Как дейктическое личное местоимение *мы* является предметом многочисленных лингвистических исследований, в т. ч. тех, которые посвящены анализу дискурсивных практик в различных сферах общественной жизни. Особенно часто к семантике и прагматике местоимения *мы* обращаются исследователи политического дискурса, где оно выполняет мощную убеждающую функцию [1–8].

Исследователи отмечают, что одной из характерных особенностей данного прономинала является его атипичность, которая, как представляется, обусловлена тем, что его множественная природа уже предполагает некоторую размытость. В отличие от местоимения *я*, однозначно относящегося к субъекту речи,

прономинал *мы* обладает менее четкой референтной связью. Семантика местоимения *мы* более сложна, поскольку оно обладает значительным прагматическим потенциалом и считается очень коварной лексической единицей. Обозначая говорящего и кого-то другого, оно оставляет неясным, кого другого. Семантику данного местоимения можно определить только в тех коммуникативно-прагматических условиях, в которых функционирует высказывание. Только контекст может дать четкое понимание того, какая интерпретанта присуща знаку *мы*, какую группу он репрезентирует и насколько она велика. В связи с этим местоимение *мы* может выступать мощным инструментом манипуляции: оно представляет собой своего рода «джокер» в языке, карту, которая может принимать любое значение, какое захочется игроку (говорящему) [9, с. 128].

Жестко не детерминируя количество подразумеваемых лиц, местоимение *мы* может включать как всех коммуникантов, в т. ч. и адресата (инклюзивное *мы*), так и определенную группу лиц, куда входит адресант, но не входит адресат (эксклюзивное *мы*). В трактовке Э. Бенвениста, инклюзивное *мы* означает *я + вы*, а эксклюзивная форма соответствует формуле *я + они* [10].

Вслед за Э. Бенвенистом И.Ю. Гранева выделяет *мы* референтное и *мы* нереферентное [11, с. 208]. В качестве критерия такой дифференциации автор указывает на его употребление или по отношению к непосредственным коммуникантам, или к неопределенному множеству лиц, которые не участвуют непосредственно в акте коммуникации. Язык не дифференцирует эти употребления фонематически, поскольку речевой акт всегда успешно эксплицирует актуальный смысл употребленного местоимения при помощи диакритической функции жеста или посредством использования перечисления, уточняющего его смысл [12, с. 128].

Расширяя прагматический потенциал *мы*, Л.Н. Синельникова выделяет три вида отношений, включенных в *мы*-дискурс: дискурс идентичности (*как все*), дискурс исключения (*не как все*) и дискурс отчуждения (*мы – они*) [13, с. 67].

Несколько иные функции местоимения *мы* предлагает О.В. Кашкина: разделение ответственности, солидаризация, дистанцирование от других групп [3, с. 76].

В работе Р.П. Дронсейка количество прагматических функций *мы* значительно разнообразнее: 1) авторское *мы* (формула скромности); 2) авторское множественное в теле- и радиопередачах; 3) ораторское *мы*; 4) неодобрительное *мы* типа «знаем мы вас»; 5) самоуничижительное *мы*; 6) мнимо представительское *мы* для самоутверждения (как форма величия); 7) официальное *мы* (в речи лиц, облеченных властью); 8) торжественное *мы* высших руководителей (монарха, царя) [14, с. 21–22].

Следует отметить, что семантико-прагматическим особенностям местоимения 1-го лица множественного числа в различных дискурсивных практиках посвящена обширная зарубежная научная литература. Употребление местоимения *we* как средства диалогизации находится в поле зрения многих зарубежных исследователей (P. Bull, A. Fetzer, A. DeFina, I. Fortanet, M. Handford, A. Burkhardt). Инклюзивное и эксклюзивное употребление прономинала *we* было предметом исследований в работах Н. Харвуда [15], К. Хайленда [16], А. Пенникука [17] и др.

Для того чтобы достичь поставленной задачи исследования, мы собрали корпус юридических текстов, относящихся к XVIII–XXI векам и находящихся в свободном доступе в сети Интернет. Данный корпус состоит из 130 текстов и включает 210 476 слов. Для анализа мы выбрали тексты различных жанров (законодательные акты, судебные решения, жалобы, особые мнения судей, судебные речи).

В работе используется метод контекстуального, интерпретационного, анализа текстового материала, направленный на решение следующих задач: 1) выделение личного местоимения *мы* и его словоформ из общего лексического потока анализируемых текстов; 2) определение прагматических функций данного местоимения; 3) создание классификации функций

местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках.

Мы как инструмент преодоления эгоцентризма. *Мы* «есть нечто иное, нежели соединение отчетливо расчлененных элементов; здесь ярко выражено преобладание *я*, в некоторых условиях даже до такой степени, что множественное число может заменять единственное. Причина этого заключается в том, что *мы* не представляет здесь квантованного или умноженного *я*. Это размытое *я*, раздвинутое за пределы лица в точном смысле термина и одновременно потерявшее четкие контуры» [10, с. 269]. Отсюда проистекают два противопоставленных употребления. С одной стороны, *я* расширяется до *мы*, делая выражение лица более массивным и торжественным (мы в дискурсе монархов). С другой стороны, *мы* затушевывает слишком резкое *я*, заменяя его более общим и расплывчатым (авторское/ораторское *мы*). Представляется, что употребление или отказ от формы 1-го лица единственного числа отражает глубинные различия между мировоззренческими полюсами «коллективизм» – «индивидуализм».

Как отмечают Б.Ю. Норман и А.М. Плотникова, наличие эталонного морфологического средства – личного местоимения *мы* – является особенностью выражения коллективной идентичности. Оно используется для акцентирования того множества лиц, к которому человек относит себя [9, с. 126]. Использование местоимения *мы* может свидетельствовать о приоритете коллектива, в то время как частое употребление местоимения *я*, напротив, говорит в пользу индивидуума. Использование местоимения *я* противоречит нормам коллективистской, соборной культуры:

Представитель Президента, как мы заметили, читает Конституцию как обеспечивающую абсолютную привилегию конфиденциальности любых контактов Президента¹.

В данном примере местоимение *мы* ссылается к единичному субъекту – автору особого

¹Особое мнение судьи. URL: <http://zdamsam.ru/a23814.html> (дата обращения: 12.05.2017).

мнения судьи, который с помощью прономинала множественности пытается преодолеть эгоцентризм высказывания. Авторское *мы*, синонимичное *я*, имеет оттенок нейтральности личностной позиции.

Мы как маркер сакральной власти субъекта. В юридическом дискурсе наблюдается и второе из упомянутых Бенвенистом употреблений местоимения *мы* вместо *я*. Как показал анализ исторических источников, единицы *мы*-парадигмы отсылают к единичному субъекту в монархических актах. Данная тенденция прослеживается в русском законодательном дискурсе со времен первых указов Петра I:

*Божию милостию, мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая*².

Форма *Pluralis Majestatis* символизирует сакральное происхождение власти монарха. Предполагается, что *мы* в дискурсе монарха было впервые использовано Генрихом II в 1169 году. Его употребление обосновывалось со ссылкой на теологическую концепцию о божественном происхождении монархической власти. Согласно данной концепции, монарх рассматривался как ставленник Бога на Земле: «По божественной власти, переданной ему освящением, он – милостью Божьей Христос, Богочеловек. На земной сцене он представляет живой образ Бога» [18, с. 143].

Мы как маркер совместной деятельности. В этом значении отсутствует присущая прономиналу *мы* размытость границ. Напротив, имеет место четкая референтная отнесенность *мы* к определенной группе лиц. Указанная функция типична для коллективных жалоб:

*В связи с вышеизложенным, мы просим Вас предложить директору МУП «ЖКХ» перед проведением легитимных общих собраний собственников жилья...*³

В этом примере местоимение *мы* отсыла-

ет к определенным субъектам, имена которых указаны в тексте жалобы.

Мы как инструмент эмпатии. Эмпатия как осознанное сопереживание эмоциональному состоянию коммуниканта является довольно распространенным приемом вовлечения адресата в конструируемый говорящим дискурс. Одним из средств такого вовлечения оказываются инклюзивное местоимение *мы*, которое рассматривается как сигнал взаимодействия говорящего с целевой аудиторией [16, 19]. Приведем фрагмент судебной речи адвоката на стадии судебных прений:

*В результате мы имеем на одной чаше весов правосудия лишь необоснованные предположения обвинения, в то время как на другой чаше весов – неопровержимые факты...*⁴

С целью конструирования дискурса согласования адвокат прибегает к приему эмпатии. На использование этого приема указывает инклюзивное *мы*, специфика которого заключается в том, что им обозначается единение субъекта и адресата. Через инклюзивное *мы* присяжные, к которым обращена данная речь, могут почувствовать себя включенными в коммуникацию. В результате такого манипулятивного воздействия собеседники значительно продвигаются к дискурсу согласования, создавая видимость совместного принятия решения, где функция адвоката – манипулировать, а функция присяжного – принять все виды аргументации адвоката. И.П. Хурыз отмечает, что инклюзивное *мы* является действенным инструментом при реализации в дискурсе сигналов интерактивности, которые, как правило, способствуют формированию солидаризации [19, с. 68]. Такое *мы* предоставляет возможность адресату занять положение «на равных» с говорящим путем объединения и уравнивания «я» и «вы»:

Посмотрите, какая история у нас получается. Он объясняет свой приход тем, что кончились

²Артикул воинский. URL: <http://www.imha.ru/1144525603-artikul-voinskijj-ot-26-aprelja-1715-goda.html#>. WTVVV8YIGUk (дата обращения: 12.02.2017).

³Исковое заявление. URL: <http://protvino2008.narod.ru/sac/leo2010-11.pdf> (дата обращения 14.02.2017).

⁴Защитительная речь. URL: <http://www.yourist-ufa.ru/rech> (дата обращения: 22.03.2017).

деньги и он пришел домой. Разве нельзя было **перехватить** у кого-нибудь по дороге? Мотивация нам очевидна – постоянные скандалы, корысть, имущество, которое досталось бы ему после смерти отца⁵.

Интенция гособвинителя – сформировать единую мировую линию с присяжными заседателями, на что, в частности, указывает употребление инклюзивного *нас*, которое включает адресата в дейктическую сферу говорящего. С помощью приема эмпатии гособвинитель создает видимость совместного опыта переживания сконструированного возможного мира.

Мы как инструмент солидаризации с неопределенным референтом (*мы с вами*). Инклюзивное *мы* в значении «мы все вместе взятые» реализует значение обобщенной множественности. Говорящий признает свое единство с неопределенной группой и ее ценностями:

*За оборот веществ, не включенных в эти списки, не может наступать уголовная ответственность! Каждый из нас, покупая в магазине алкоголь или сигареты, знает, что они обладают наркотическим эффектом, вызывают зависимость и влекут пагубные последствия. Однако каждый из нас при этом уверен, что не нарушает закон!*⁶

Формируя аргументы, адвокат использует словоформу инклюзивного *мы*. Местоимение позволяет ввести адресата в процесс аргументации. Включая адресата в «круг своих» с помощью тактики солидаризации (*каждый из нас*), адвокат вызывает у него положительную реакцию, которая является условием формирования дискурса согласования. Аргумент к адресату, используемый адвокатом, предполагает опору на его мнения, чувства и феноменологический опыт вместо обоснования тезиса объективными доводами. Воспользовавшийся этим аргументом оратор стремится привлечь адресата на свою сторону:

*Расчет Президента на конфиденциальность его переговоров и переписки <...> представляет собой ценность, которой мы выражаем уважение в сфере частной жизни (privacy) любого гражданина*⁷.

В данном примере инклюзивное *мы* используется для создания эффекта солидаризации говорящего с Другим, в роли которого выступает любое лицо, для которого частная жизнь является объектом Мира Ценности.

Нередко такая семантика совместности порождает знак, обладающий симулякривизованным референтом. Симулятивное *мы* очерчивает класс лиц одного с говорящим субъектом круга, одних убеждений, политической или территориальной принадлежности. Его можно обозначить как идеологическое или политическое *мы*, которое стоит за следующим высказыванием:

*Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...*⁸

Здесь *мы* – неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему; местоимение использовано не в целях указания на непосредственных участников ситуации [20], а для солидаризации с группой лиц, объединяемой по принципу «те, кто с нами». Это символ единения народа, очерчивающий границы «своего» мира, противопоставленного миру «чужих». Как пишет Ю.С. Степанов, «идея мира связана с идеей *мы*, воплощающего *свое*, в противовес враждебному, *чужому*: мир в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное <...> оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства...» [21, с. 95].

Проиллюстрируем реализацию нереперентного употребления *мы*:

⁵Судебное телешоу «Суд присяжных». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6eD3MCw--o8> (дата обращения: 12.03.2017).

⁶Защитительная речь. URL: <http://www.yourist-ufa.ru/rech> (дата обращения: 22.03.2017).

⁷Особое мнение судьи. URL: <http://zdamsam.ru/a23814.html> (дата обращения: 12.05.2017).

⁸Конституция РФ. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.03.2017).

Мы у грани, за которой народы России просто могут исчезнуть в столь масштабных братоубийственных конфликтах и войнах. От нас ждут внятной позиции, и общество не простит нам ее отсутствия⁹.

С помощью нереферентного *мы* субъект идентифицирует себя с российским народом, который может оказаться втянутым в такие масштабные войны, что по сравнению с ними чеченская трагедия может стать эпизодом «мирного прошлого». Во втором предложении вариативная форма множественности – *нас* – совмещает в себе следующие значения: выступает средством солидаризации говорящего с другими участниками экспертного сообщества (судебного органа) и, как следствие, служит механизмом разделения ответственности за формирование требуемой позиции относительно законности «чеченских» указов президента.

Пройдет время, и *мы* пойдем всю мудрость фразы: «Свобода печати обеспечивает свободу народа»¹⁰.

Перед нами универсальное нереферентное употребление *мы*, соответствующее «квантору всеобщности: все *S*..., для всех *S*...». Оно реализуется в общеродовом *мы*, которое является средством общей оценочности, “по умолчанию” предполагающим объединение всех людей, все человечество в поле общечеловеческих ценностей, основанное на древнем архетипе “мир” = “мы”» [11, с. 209]. С помощью нереферентного *мы* субъект отождествляет себя со всем человечеством, которое со временем придет к осознанию смысла цитируемой им фразы, подчеркивающей роль свободной печати в реализации принципа свободы народа.

Мы как инструмент акцентирования дистанции, оппозиционирования (*мы*-группа vs. *они*-группа):

Поводом к обращению в Конституционный суд РФ является нарушение <...> **нашего** права на Народовластие. Однако эгоизм **олигархов** и служение **им** сознательное или по глупости **тех**, кого **они нам** навязывают избирать¹¹.

С помощью контрастного употребления выделенных лексем и прономинала *нам* субъект создает эффект дистанцирования себя и подобных ему представителей российского электората – *наших* – от *олигархов* и *тех*, кто им служит, – *чужих*. Местоимение *нашего* служит средством солидаризации с неопределенным референтом – гражданами России, которым принадлежит право на Народовластие. Прониминал множественности помогает говорящему создать эффект солидаризации [22].

Таким образом, местоимение *мы* выступает как значимая прагматическая и дискурсивная единица, образует собственную референцию и соответствует определенному или неопределенному референту – одному говорящему лицу или определенной/неопределенной группе лиц. Это позволяет говорить о прагматическом многообразии местоимения, семантической энтропии, размывающей его содержание в высказываниях юридического дискурса.

Перспективным направлением данного исследования является более углубленный анализ каждой из указанных выше прагматических функций местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках. В частности, *мы* в судебном дискурсе служит действенным механизмом формирования общей мировой линии с адресатом и, как результат, дискурса согласования в коммуникативных парах *адвокат–присяжные* и *прокурор–присяжные*. Прием эмпатии помогает создавать видимость совместного опыта переживания конструируемого адвокатом или прокурором возможного мира.

⁹Особое мнение судьи. URL: <http://base.garant.ru/12132995/> (дата обращения: 15.03.2017).

¹⁰Там же.

¹¹Судебная жалоба. URL: http://www.democracy.ru/x...lawsuits/klimentiev_complaint (дата обращения: 09.06.2016).

Список литературы

1. *Гранева И.Ю.* Семантика и прагматика местоимения «мы» во вторичных референтных функциях // Системное и асистемное в языке и речи: материалы междунар. науч. конф., г. Иркутск, 10–13 сентября 2007 года. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. С. 284–289.
2. *Иванова А.И.* Прагмалингвистический анализ личного местоимения «мы» как формы публичного обращения Барака Обамы в Интернете // Полит. лингвистика. 2012. № 2(40). С. 84–87.
3. *Каушкина О.В.* Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 212 с.
4. *Резникова Е.В.* Личные местоимения в политическом дискурсе // Яросл. пед. вестн. 2012. № 1, т. I (Гуманит. науки). С. 180–183.
5. *Adetunji A.* Inclusion and Exclusion in Political Discourse: Deixis in Olusegun Obasanjo's Speeches // J. Lang. Linguist. 2006. Vol. 5, № 2. P. 177–191.
6. *Fairclough N.* Language and Power. London: Longman, 2003. 259 p.
7. *Wilson J.* Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language. Oxford: Blackwell, 1990. 203 p.
8. *Zupnik Y.-J.* A Pragmatic Analysis of the Use of Person Deixis in Political Discourse // J. Pragmat. 1994. Vol. 21, № 4. P. 339–383.
9. *Норман Б.Ю., Плотникова А.М.* Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или опциональной коллективной идентичности // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6(34). С. 126–138.
10. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
11. *Гранева И.Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–209.
12. *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 502 с.
13. *Синельникова Л.Н.* Местоимение в дискурсе. Луганск: График, 2008. 476 с.
14. *Дронсейка Р.П.* К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 8–32.
15. *Harwood N.* (In)appropriate Personal Pronoun Use in Political Science: A Qualitative Study and a Proposed Heuristic for Future Research // Writ. Commun. 2006. Vol. 23, № 4. P. 424–460.
16. *Hyland K.* Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles // Writ. Commun. 2001. Vol. 18, № 4. P. 549–574.
17. *Pennycook A.* The Politics of Pronouns // ELT J. 1994. Vol. 48, № 2. P. 173–178.
18. *Луцицкая С.И.* Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья // История ментальностей, историческая антропология: зарубеж. исслед. в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 142–154.
19. *Хутыз И.П.* Сигналы интерактивности в академическом дискурсе: инклюзивные местоимения // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2012. № 3. С. 64–68.
20. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 464 с.
21. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. 824 с.
22. *Кративкина О.А.* Местоименные маркеры субъекта высказывания в юридическом дискурсе // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2010. № 7(47). С. 331–336.

References

1. Graneva I.Yu. Semantika i pragmatika mestoimeniya "my" vo vtorichnykh referentnykh funktsiyakh [Semantics and Pragmatics of the Pronoun "We" in Secondary Referential Functions]. *Sistemnoe i asistemnoe v yazyke i rechi* [The Systemic and the Nonsystemic in Language and Speech]. Irkutsk, 2007, pp. 284–289.

2. Ivanova A.I. Pragmalingvističeskij analiz ličnogo mestoimeniya “my” kak formy publicnogo obrashčeniya Baraka Obamy v Internetе [Pragmalinguistic Analysis of Personal Dialectic Pronoun “We” as a Form of Online Public Address by Barack Obama]. *Politicheskaya lingvistika*, 2012, no. 2, pp. 84–87.
3. Kashkina O.V. *Funktional’nyy analiz samootsenochnyykh vyskazyvaniy kak sredstva verbalizatsii Ya-kontsepta (na materiale interv’yu nemetskoj pressy)* [Functional Analysis of Self-Assessment Statements as a Means of Self-Concept Verbalization (a Case Study of Interview in the German Press)]. Voronezh, 2005. 212 p.
4. Reznikova E.V. Ličnye mestoimeniya v politicheskom diskurse [Personal Pronouns in Political Discourse]. *Yaroslavskiy pedagogičeskij vestnik*, 2012, no 1, vol. 1 (*Gumanitarnye nauki*), pp. 180–183.
5. Adetunji A. Inclusion and Exclusion in Political Discourse: Deixis in Olusegun Obasanjo’s Speeches. *J. Lang. Linguist.*, 2006, vol. 5, no. 2, pp. 177–191.
6. Fairclough N. *Language and Power*. London, 2003. 259 p.
7. Wilson J. *Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language*. Oxford, 1990. 203 p.
8. Zupnik Y.-J. A Pragmatic Analysis of the Use of Person Deixis in Political Discourse. *J. Pragmat.*, 1994, vol. 21, no. 4, pp. 339–383.
9. Norman B.Yu., Plotnikova A.M. Konstruktsii s mestoimeniem my: formirovanie aktual’noy ili okkazional’noy kollektivnoy identičnosti [Structures with the Pronoun “We”: Formation of Actual and Occasional Collective Identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2016, no. 6, pp. 126–138.
10. Benveniste É. *Obščaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, 1974. 448 p.
11. Graneva I.Yu. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya “my” [On Referential and Non-Referential Usage of the Pronoun “We”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2008, no. 4, pp. 206–209.
12. Bühler K. *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart, 1965. 434 p. (Byuler K. *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funktsiya yazyka*. Moscow, 2000. 502 p.).
13. Sinel’nikova L.N. *Mestoimenie v diskurse* [Pronouns in Discourse]. Lugansk, 2008. 476 p.
14. Dronseyka R.P. K voprosu ob egotsentrizme ličnogo mestoimeniya “ya” i al’truizme ličnogo mestoimeniya “my” (na primere prozy B. Akunina) [On the Question of Egocentrism of the Personal Pronoun “I” and the Altruism of the Personal Pronoun “We” in Boris Akunin’s Prose]. *Yazyk. Slovesnost’. Kul’tura*, 2012, no. 1, pp. 8–32.
15. Harwood N. (In)appropriate Personal Pronoun Use in Political Science: A Qualitative Study and a Proposed Heuristic for Future Research. *Writ. Commun.*, 2006, vol. 23, no. 4, pp. 424–460.
16. Hyland K. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles. *Writ. Commun.*, 2001, vol. 18, no. 4, pp. 549–574.
17. Pennycook A. The Politics of Pronouns. *ELT J.*, 1994, vol. 48, no. 2, pp. 173–178.
18. Luchitskaya S.I. Dva tela korolya. Očerki politicheskoy teologii Srednevekov’ya [The King’s Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology]. *Istoriya mental’nostey, istoricheskaya antropologiya* [The History of Mentalities, Historical Anthropology]. Moscow, 1996, pp. 142–154.
19. Khutyž I.P. Signaly interaktivnosti v akademicheskom diskurse: inklyuzivnye mestoimeniya [Interactivity Signals in Academic Discourse: Inclusive Pronouns]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologičeskogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 64–68.
20. Paducheva E.V. *Semantičeskije issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Studies (Semantics of Time and Species in the Russian Language; Semantics of the Narrative)]. Moscow, 1996. 464 p.
21. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar’ russkoj kul’tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. A Study]. Moscow, 1997. 824 p.
22. Krapivkina O.A. Mestoimennye markery sub’ekta vyskazyvaniya v yuridicheskom diskurse [Pronoun Markers of the Subject of the Utterance in Legal Discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, no. 7, pp. 331–336.

Olga A. Krapivkina

Irkutsk National Research Technical University;
ul. Lermontova 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation;
e-mail: koa1504@mail.ru

PRAGMATICS OF THE *WE*-PRONOUN IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

The paper analyses the use of the *we*-pronoun in Russian legal discourse and reveals its pragmatic functions. One of the characteristic features of this pronoun is its atypical multiple nature, which, in itself, implies certain semantic vagueness. The semantics of the *we*-pronoun can be revealed only in concrete communicative-pragmatic conditions of the utterance. *We* does not strictly determine the number of implied persons: it can both refer to all the communicants, including the addressee (an inclusive *we*) and a certain group of persons including the speaker but excluding the addressee (an exclusive *we*). The paper emphasizes that the *we*-pronoun in legal discourse is used to eliminate the egocentrism of an utterance and emphasize the sacred nature of the speaker's power. It also serves as an empathy tool to form a discourse of concord with the addressee and solidarize with an undefined referent or as an opposition mechanism. For the analysis, the author used Russian legal texts of different genres dated to the 18th – 21st centuries available on the Internet. These include legislative acts, judicial decisions, dissenting opinions, courtroom speeches, and complaints. The research results indicate that the first person plural pronoun is a meaningful pragmatic and discourse unit expressing meanings related to different roles of the speaking subject. This proves the pragmatic variety of the *we*-pronoun and implies entropy diffusing the semantics of *we* in legal discourse.

Keywords: *legal discourse, we-pronoun, reference, pragmatics, subject of discourse.*

Поступила: 06.06.2017
Received: 6 June 2017

For citation: Krapivkina O.A. Pragmatics of the *We*-Pronoun in Russian Legal Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 3, pp. 90–98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.90